

Молодежь должна быть в "своем репертуаре"

Сегодня день рождения Галины Павловны ВИШНЕВСКОЙ. Причем не "рядовой" — юбилейный. И встретить его она решила в Москве. Впрочем, есть и еще одна цель у ее московского визита — немного "подтолкнуть" строительство школы на Остоженке. Предполагается, что в декабре эта школа уже должна открыться. Певица согласилась дать эксклюзивное интервью нашей газете.

— Галина Павловна, вы уже известны как основательница детской музыкальной студии в Косине. А что представляет собой новое учебное заведение?

— Это Центр оперного пения, где преподавание будет вестись на профессиональной основе. В школе имеется все необходимое: театр, сцена, оркестровая яма и зрительный зал на 350 мест. Потенциальные обучающиеся — молодые вокалисты "между консерваторией и поступлением в оперный театр". За 2 года обучения они должны подготовить 2-3 оперные партии, чтобы затем идти показываться в театр с уже готовым репертуаром. Ведь театру некогда заниматься с начинающими певцами, и в результате молодые дарования там, как правило, просто погибают. Молодого артиста надо воспитать, иначе он никогда не вырастет в настоящего оперного певца, в самом лучшем случае — в какого-нибудь середняка.

— Идет ли уже поиск кандидатов на преподавательские места?

— Да, переговоры ведутся. Планируем привлечь педагогов-вокалистов, концертмейстеров, режиссеров и дирижеров, которые смогут помочь нам своим опытом и знаниями. Вполне возможно, что пригласим кого-то из Большого театра или из Мариинки. Ничего конкретного пока сказать не могу, но думаю, в течение зимы все выяснится. Уже в январе мы объявляем конкурс, а с нового сезона приступаем к работе.

— Собираетесь ли вы и в дальнейшем курировать центр?

— Не просто курировать — буду заниматься, работать. Планирую приезжать на месяц по три раза в каждое полугодие. Я еще не знаю, как все получится: дело это совсем новое, и пример нам брать не с кого. Поживем — увидим.

— Какая плата предусматривается за обучение?

— Для россиян обучение будет бесплатным, для иностранцев — платным. Сейчас ведь, по-моему, везде такая система, в том числе и в консерватории.

— Каким образом разрешился финансовый вопрос, вкладывали ли вы свои личные средства в строительство школы?

— Дело в том, что на этом месте должны были строить огромный жилой дом с подземным гаражом, зимним садом и прочими удобствами. И ко мне обратились с просьбой помочь в получении разрешения на строительство, а взамен пообещали построить школу. Так что часть этого жилого комплекса стоимостью, как мне сказали, 10 миллионов долларов, принадлежит мне. То есть принадлежала. Я решила подарить все это Москве. Пришла к Лужкову и сказала: берите, Юрий Михайлович.

— Есть ли у вас какие-то творческие планы на ближайшее время, не собираетесь ли вы, например, где-нибудь что-нибудь спеть или сыграть, как это делают многие ваши коллеги, которые уже активно не выступают?

— Боже упаси — это по меньшей мере смешно. Только шизофреники поют в моем возрасте. Я же прекрасно понимаю, что голос уже просто не может звучать так, как прежде, и не следует строить на этот счет иллюзий. Мне интересно другое: я ведь 45 лет пела на сцене и хочу отдать свои знания и опыт молодежи. Я умею преподавать — а это, надо сказать, дар довольно редкий. Причем свой опыт я хочу передать именно русским и буду иметь возможность сделать это в моей школе.

— Галина Павловна, интересует ли вас то, что сейчас происходит в сфере оперного театра?

— Тут я старомодна и категорически не принимаю того, что делают режиссеры, не имеющие отношения к музыке. Их на пушечный выстрел нельзя подпускать к театру. Поставить "Бориса Годунова" в современных костюмах — это значит убить оперу. Подобные вещи нужны только режиссеру-постановщику — исключительно для того, чтобы в какой-нибудь статье-однодневке про него написали: существует, дескать, такой вот мистер "икс" или "игрек" и делает скандальные спектакли. В конце концов, я предпочла бы всему этому некую рутинную постановку, но чтобы при этом все было спето чисто и точно.

— А часто вы ходите в оперу?

— Раньше посещала Мариинку. Ведь Питер — мой родной город, который я очень люблю. И я часто там бываю. В советское время Кировский по сравнению с Большим был, в сущности, провинциальным театром. И надо признать, что Гергиев сделал для него очень многое. Но потом, к сожалению, все было поставлено на поток. Теперь он превращается как блины печет, а в результате певцы теряют голоса. Так что в последние годы в оперу вообще не хожу — ни в России, ни за границей. Правда, совсем недавно посмотрела вердиевского "Фальстафа" в "Геликоне" — это был мой первый визит в этот театр. Конечно, трактовка немножко вольная, но в целом спектакль мне понравился — особенно после всего того ужаса, который приходилось видеть за границей (например, какую-нибудь "Леди Макбет" Шостаковича с холодильником и мотоциклом на сцене).

— Но ведь "Геликон" прославился как раз подобными постановками...

— Возможно. Но в данном случае единственное, что показалось весьма спорным, — образ Фальстафа.

Фото В.ИНАТОВА

Выходит, понимаете ли, эдакий 25-летний красавец Дон Жуан и поет о том, какой он старый, толстый и больной. Что же касается пения, то и тут все получилось довольно слаженно — хотя я и догадывалась, что это был, вероятно, лучший геликоновский вариант.

— Бытует мнение, что сейчас в мире наблюдается тотальный кризис певческих голосов. Как, по-вашему, следует воспринимать подобные утверждения?

— Я с этим мнением в принципе согласна, но убеждена, что экология и тому подобные вещи здесь ни при чем. На самом деле великолепных голосов — море, а в огромной России их больше, чем где бы то ни было. Однако карьеру делают единицы. Почему? Из-за недостатка воспитания и общей культуры, что, кстати, особенно заметно у русских певцов. Ведь голос надо вырастить, а для этого необходимо общение с дирижером, с большим мастером.

Оперный дирижер — совершенно особая профессия. Такие музыканты, как, например, Пазовский, Мелик-Пашаев или Самосуд, были по-настоящему влюблены в голос и не мыслили себя вне оперного театра. А сейчас оперных дирижеров нет — есть дирижеры вообще, которые заняты только оркестрами. И каждый спектакль — это пышный венчик маэстро: пришел, попрыгал за пультом, отмахал, откланялся и улетел. Прямо примадонны какие-то, а не дирижеры. И сравните: раньше у дирижера только голова была видна над оркестровым барьером, а сегодня он чуть ли не весь целиком возвышается над оркестром. Дирижеры и режиссеры, для которых теперь, по сути, оперный театр и существует, с певцами не занимаются. И не только потому, что не хотят, — просто не могут, не знают, что сказать. Есть и другая сторона проблемы. В наше цивилизованное время певцы перегружены. За не-

сколько часов можно добраться куда угодно: напудрил нос, сел в самолет — и ты уже в Париже. И поэтому у артистов невероятное количество контрактов и соответственно спектаклей. А голос-то быстро изнашивается.

— В последнее время по самым разным поводам кипят страсти вокруг Большого театра. Что, на ваш взгляд, могло бы вывести его из кризисной ситуации?

— До тех пор, пока не появится дирижер — не просто музыкант, но личность мирового масштаба, готовая отдать Большому жизнь, ничего не произойдет. А я такой фигуры сейчас просто не вижу. Что же касается иной стороны дела, то убеждена, что надо ввести контрактную систему и платить певцам большие деньги. Взять, скажем, контракты Императорского театра и посмотреть, как жили наши предки, какие партии пели в сезоне, сколько получали. Надо четко определить обя-

занности артиста перед театром и театра — перед артистом и дать певцу твердые гарантии. Тогда никто из России не побежит: кому это надо — при нормальных-то условиях покидать дом, мотаться и часто по плохим театрам?

— А не кажется ли вам, что при таком вот "рыночном" подходе к делу в оперу у нас будет ходить совсем не те, кому это действительно нужно?

— Да, разумеется, необходимо сделать поправки на российские обстоятельства. Но вообще-то опера — это дорогое удовольствие, и должно быть таковым. Не нужно ходить в оперный театр три раза в неделю вместо кино.

— Не удержусь от вопроса о том, чем в настоящее время занимается ваш супруг?

— Как всегда, играет на виолончели и дирижирует.

— Могли бы вы прокомментировать его знаменитое заявление о том, что в России он больше ничего делать не будет?

— Да как можно что-то делать, если здесь нормой стало абсолютно хамское отношение со стороны прессы? Мстислав Леопольдович был просто оскорблен такой манерой общаться. Между тем человек и музыкант его масштаба в принципе не должен терпеть таких вещей. Ведь многие из этих так называемых критиков еще ничего в своей жизни не видели и не слышали. Так как же они могут критиковать? Дорвались, что называется: раньше ничего было нельзя, а теперь все можно. Дай такому "критику" 50 долларов, он напишет тебе все, что пожелаешь. Во всяком деле существуют нормы, границы дозволенного.

— А вообще вы и Мстислав Леопольдович следите за критикой?

— Понимаете, я всегда сама знала, что могу, а чего нет, что у меня хорошо выходит, а что не получается. И всегда подходила к себе с завышенными требованиями, чего бы это ни касалось: голоса ли, вокальной техники или внешности. Всем этим я не хочу сказать, что критика не нужна. Нужна — но профессиональная, грамотная критика, способная указать на важные, существенные вещи. А то, что сейчас наблюдается здесь, — это просто мерзость, какое-то лапотное хамство и бескультура.

— Но давайте вернемся к вещам более приятным. Галина Павловна, планируете ли вы как-то особо отметить свой юбилей?

— Я уже однажды пышно отпраздновала юбилей в Большом театре. И хватит — громкий и торжественный юбилей должен быть только один. А в этом году я хочу отметить очередную дату в семейном, дружеском кругу, в моей школе, которая вот-вот откроется. И считаю это самым лучшим подарком ко дню рождения. Разумеется, придет и Мстислав Леопольдович.